

DOI 10.35775/PSI.2025.120.8.021

УДК 32.019.5

И.С. СТАХЕЕВ

приглашенный преподаватель Института медиа

НИУ ВШЭ, Россия, г. Москва

E-mail: staheev@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0529-4215

КОНСПИРОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА ПОВСЕДНЕВНОГО ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА: КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Статья рассматривает конспирологическую теорию как эпистемологическую модель, выполняющую функцию универсального объяснения в условиях кризиса традиционных режимов интерпретации – науки и религии. Исходя из понятий повседневной рациональности (А. Шюц), когнитивной сетки восприятия (Л. Болтански) и механизмов дискурсивной легитимации (Э. Лаклау), автор демонстрирует, как конспирология восполняет фрагментарность и неинтегрированность современного знания. Особое внимание уделяется политическим функциям теорий заговора: они выступают не только инструментом массовой мобилизации и популистской риторики, но и способом конструирования образа врага и упрощенного объяснения сложных политических процессов. В отличие от научного и религиозного дискурсов, предполагающих пассивную позицию субъекта, конспирология активизирует аудиторию, превращая ее в субъекта разоблачения и сопротивления. Статья интерпретирует рост популярности конспирологии как симптом трансформации политической рациональности позднего модерна, в рамках которой поиск простых причин и агентных интерпретаций приобретает статус здравого смысла.

Ключевые слова: конспирология, здравый смысл, когнитивные модели, теория заговора, эпистемология, политическая риторика, повседневность, популизм.

Введение. Интерес к теориям заговора как к политическому феномену сегодня необычайно велик. Они выступают как объект академического интереса, так и инструмент политической публицистики и риторики. Однако объяснения, предложенные исследователями, все еще недостаточно убедительны, чтобы понять столь сокрушительное влияние такого типа знаний на политические решения, убеждения и представления о событиях. Если объединить основные критические аргументы, то они сводятся к простой констатации: «с людьми что-то не так».

Далее появляются вариации. Одни исследователи склоняются к биологическим причинам, связывая склонность к конспирологии с особенностями человеческого мозга или эволюционным развитием человека как биологического вида.

Эту группу можно обозначить как сторонников тезиса: «со всеми людьми что-то не так».

Другие исследователи, признавая социальную природу конспирологических теорий, следуют принципу Эмиля Дюркгейма и пытаются «объяснять социальное социальным». Они ищут социальные и политические причины веры в теории заговора, утверждая, что к ним склонны малообразованные, маргинализованные, неуверенные в своем будущем или пораженные в правах люди. Этой стратегии придерживались, например, Ричард Хофстедер и Дэниэл Пайпс, пионеры изучения конспирологических теорий в США. Американский политолог Джон Усински заявил: «теории заговора – это удел проигравших» [12]. Этот подход можно обозначить как тезис: «с некоторыми людьми что-то не так».

Первый подход, как и любая универсалистская модель, страдает тем недостатком, что он объясняет все, а значит, по сути, ничего. Второй подход, в свою очередь, не учитывает, почему в теории заговора верят такие люди, как Канье Уэст, Илон Маск и другие представители элиты, которых сложно назвать маргинализированными, пораженными в правах или малообразованными.

Исследователь конспирологических теорий Илья Яблоков применяет теорию дискурса Эрнесто Лаклау [7], показывая, как маргинальный дискурс смещается к центру политического спектра, достигая респектабельных и обеспеченных слоев. Это продуктивный подход, но он не отвечает на вопрос: почему теории заговора так привлекательны как риторическая стратегия для политиков? Почему они так нравятся аудитории? Наша гипотеза состоит в следующем: на сегодняшний день конспирологическая теория – это самая удобная для человека объяснительная модель, позволяющая неспециалисту, обывателю в лучшем смысле этого слова, интерпретировать все необычное и незнакомое, что происходит в его жизненном мире. Для подтверждения этого предположения необходимо обратиться к базовому уровню восприятия мира – тому, что Альфред Шюц назвал *paramount reality* [6], миром повседневной жизни.

Почему теория заговора – это именно теория? Чтобы попытаться описать конспирологическую теорию как здравый смысл, для начала следует отказаться от восприятия конспирологических теорий как пейоративного ярлыка и попробовать применить принцип симметричности социолога знания Дэвида Блура. Мы посмотрим на конспирологические теории как уже сформировавшуюся эпистемическую систему со своими системами кодов, различений и когнитивных стилей.

Для начала определим, что мы понимаем под конспирологическим объяснением мира. Конспирология – это объяснительная модель, базирующаяся на представлении о причинной связи между событиями через действия скрытых, чаще всего злонамеренных акторов. Это позволяет интерпретировать уникальные или травматичные явления как целенаправленные, а не случайные.

Как человек на базовом уровне понимает мир и реальность? «Мир – это все, чему случается быть», – говорил Витгенштейн [2]. Но как мы понимаем, что нечто произошло, и, более того, что это нечто имеет смысл, который

мы осознали, и что это событие повлияет на нас? «Человек, живущий в современном мире, убежден, что его жизненный мир как целое не понят полностью им самим и не понятен полностью никому из его близких. Существует комплекс знаний, сформированных практическим опытом, наукой и технологией, на которых базируется понимание; теоретически он доступен каждому. Но этот комплекс знаний не является интегрированным», – утверждает Альфред Шюц. На уровне повседневности формируется некоторый инструментарий интерпретаций, но он остается слабоструктурированным, а, как отмечает Никлас Луман [3], в современном мире эти знания зачастую поступают из медиа.

Люк Болтански, последователь прагматической социологии, на примере тайн и заговоров показывает, что реальность – это когнитивная сетка, размеченная понятиями и картами восприятия мира [1]. Однако уникальные или необъяснимые события создают «прореху», которую необходимо заполнить. Именно эта необходимость когнитивного восстановления открывает пространство для объяснительных моделей.

Конспирологическая теория занимает здесь особое место. Она предлагает объяснение событий через причинно-следственную связь, основанную на человеческой воле, чаще всего злой. Это позволяет интерпретировать уникальные и травматичные события, не прибегая к сложным или труднодоступным научным моделям или религиозным интерпретациям, которые могут показаться устаревшими. Александр Филиппов [4] отмечает, что «власть или вмешательство видят там, где ставится вопрос о природе индивидуального события», особенно если это событие уникальное или негативное.

Ключевая особенность конспирологических теорий заключается в их универсальности. Они не ограничиваются объяснением отдельных событий, а создают целостную картину мира, где любое событие увязывается с замыслом группы заговорщиков. Например, теории о «мировом правительстве» или «иллюминатах» претендуют на объяснение всего спектра социальной, экономической и политической жизни. Такие теории используют элементы естественно-научных объяснений для усиления своей достоверности, как видно на примере климатических теорий, интерпретирующих науку о климате как элемент глобального обмана [10. Р. 33–60].

Эта универсальность делает теории заговора особенно привлекательными. Они создают иллюзию целостного понимания мира, заменяя сложные и противоречивые научные объяснения простыми нарративами. Например, пандемия COVID-19 интерпретировалась через множество теорий заговора, от утверждений о ее искусственном происхождении до обвинений в манипуляциях фармацевтическими компаниями, что позволило соединить разрозненные события в одну связную картину.

Таким образом, конспирологическая теория представляет собой эпистемологическую модель, удобную для восприятия широкой аудиторией. Ее сила заключается в использовании слабоструктурированных знаний и упрощенных причинно-следственных связей, которые в отличие от религии или науки

предлагают интуитивно понятные объяснения сложных явлений. В то же время, важно признать, что сами заговоры, безусловно, существуют. Однако особенность конспирологии заключается именно в ее подходе к объяснению, который предполагает когнитивные лакуны, претензию на универсальность и простоту заполнения этих лакун.

Конспирология как новый повседневный здравый смысл. Конспирологические теории проникли в повседневную жизнь, превратившись из маргинальной практики в универсальную объяснительную модель. Они больше не являются уделом необразованных или маргинализированных групп. Напротив, их популярность распространяется на все слои общества, включая образованных профессионалов, политиков и представителей элиты. Современные исследования, такие, как работы Ильи Яблокова, демонстрируют, что конспирология все чаще становится центральным элементом политической риторики и медийного дискурса, формируя массовое восприятие событий и проникая в область, которая в социологии называется здравым смыслом.

Здравый смысл как эпистемический ресурс представляет собой совокупность интуитивных представлений, суждений и объяснительных схем, которые индивиды используют в повседневной жизни для интерпретации событий и ориентации в социальном мире. В терминологии Альфреда Шюца, это ключевой элемент уже упомянутой нами *paramount reality*, мира повседневной жизни, в котором люди действуют, не ставя под сомнение базовые допущения о природе реальности. Здравый смысл не автономен: он питается из абстрактных и более институционализированных систем знания, таких как мифология, религия и наука. Эти системы формируют «банк» интерпретаций, из которого повседневное сознание заимствует готовые формы объяснения. Мифология предлагает символические и нарративные структуры, позволяющие придавать смысл уникальным или аномальным явлениям. Религия поставляет универсальные метафизические основания морали и причинности. Наука – эмпирические и рациональные модели, легитимирующиеся через институты образования и экспертизы.

Важно заметить, что здравый смысл оперирует этими элементами не в чистом виде, а их упрощенными и адаптированными версиями. Это делает его одновременно гибким и восприимчивым к новым формам знания, которые предлагают упорядоченные, причинные и эмоционально насыщенные объяснения. И мы утверждаем, что конспирология, взяв некоторые элементы из предыдущих эпистемических систем, в итоге сформировалась в автономную объяснительную систему.

Для понимания этой трансформации необходимо рассмотреть, как эволюция объяснительных моделей, мифологии, религии и науки, подготовила почву для утверждения конспирологии в качестве универсальной системы объяснения всего, что происходит как в повседневной жизни, так и в мире политических событий. Конспирология унаследовала сильные стороны каждой из этих систем, одновременно минимизировав их слабости.

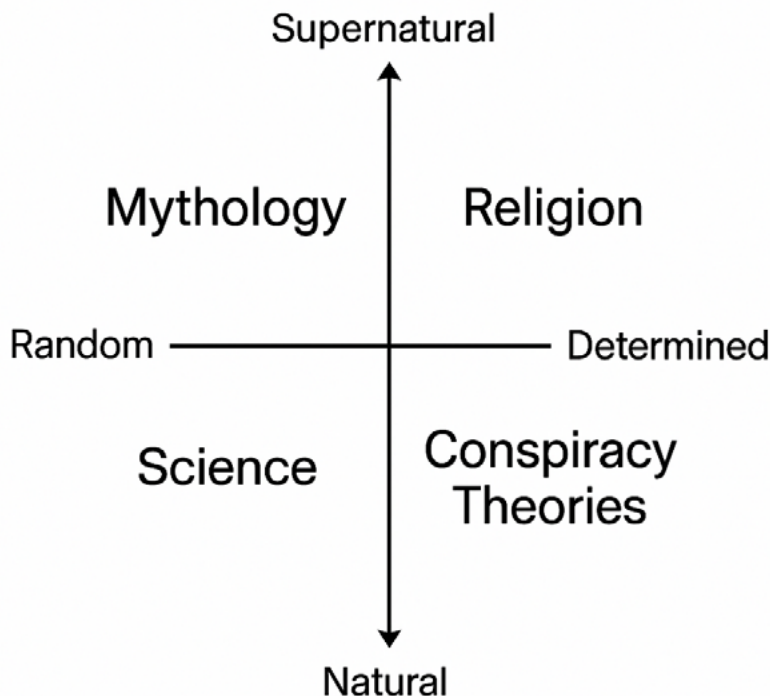

Рис. 1. Диспозиция соотношения главных объяснительных моделей по осям «естественное-сверхъестественное» и «случайное-детерминированное»

Мифология. Мифология, сосредоточенная на объяснении случайного и сверхъестественного, опирается на нарративы, которые связывают явления с действиями божественных или магических сил. Ее сила – в способности придавать смыслы через доступные и запоминающиеся истории. Однако, с секуляризацией и развитием науки, мифология в своем традиционном виде утратила свое влияние, став скорее культурным наследием, чем инструментом интерпретации, хотя в последнее время мы видим новое возрождение этой традиции в виде движения new age.

Религия. Религия, в отличие от мифологии, приближается к детерминированному и сверхъестественному, объясняя мир через волю Бога или иных высших сил. Ее институциональная организация обеспечивает устойчивость и универсальность ее объяснений. Тем не менее, конкуренция с научными интерпретациями ограничивает ее влияние, особенно в секуляризованных обществах.

Наука. Наука, основанная на эмпирических данных и строгих методологиях, объясняет мир через естественные процессы и законы. Однако ее интерпретации сложны, требуют когнитивных усилий и часто недоступны широкой аудитории,

что делает ее менее привлекательной для обывателя. **Конспирология.** Конспирология представляет собой синтетическую объяснительную модель, вобравшую черты мифологии, религии и науки. Подобно науке, она апеллирует к естественным причинам – например, в теориях об искусственном происхождении вируса COVID-19 или управлении климатическими процессами. При этом, как и религиозные системы, она сохраняет претензию на универсальность, интерпретируя сложные и разнохарактерные явления как следствие целенаправленных действий, скрытых акторов. Наконец, в духе мифологических нарративов, конспирология делает акцент на эмоциональной выразительности, яркости образов и нарративной целостности, что облегчает ее усвоение широкой аудиторией.

Привлекательность конспирологии во многом обусловлена ее когнитивной доступностью. В отличие от научного дискурса, требующего профессиональной подготовки и оперирующего абстрактными понятиями, и в отличие от религиозной традиции, основанной на трансцендентных предпосылках, конспирология предлагает простые, интуитивно понятные причинно-следственные связи, укорененные в социально-политической реальности. Классическим примером являются теории, объясняющие глобальные процессы, от экономических кризисов до эпидемий и климатических изменений, действиями ограниченного круга лиц или организаций, обладающих ресурсами и скрытыми мотивами.

Ключевая особенность конспирологии как социальной практики заключается в ее проактивной направленности [8. Р. 103-121]. В отличие от религиозного смирения или научного делегирования полномочий экспертам, конспирология стимулирует субъективное участие. Она вовлекает индивида в процесс интерпретации и разоблачения, формируя фигуру «знающего гражданина», способного противостоять мнимым угрозам. Эта форма когнитивной и политической мобилизации создает иллюзию агентности и контроля, усиливая чувство принадлежности к сообществу тех, кто «прозрел» и «разоблачил».

Универсальность, адаптивность и нарративная убедительность делают конспирологию труднопреодолимой для традиционных объяснительных моделей. Она предлагает когнитивные конструкции, которые в условиях информационного перенасыщения оказываются более притягательными, чем сложные, противоречивые и специализированные научные или религиозные объяснения. В этом смысле конспирология выполняет функцию нового повседневного здравого смысла: не просто как способ осмысления событий, но как форма социальной практики, символической идентификации и эпистемологического суверенитета.

Институциональные последствия: повседневность как поле политического противостояния. Это достаточно развернутое объяснение эпистемической силы конспирологических теорий нам было необходимо, чтобы показать, каким образом современное «знание о мире» может, согласно логике Мишеля Фуко, становиться «властью над миром» [5]. Одним из ключевых последствий распространения конспирологического мышления является глубокая политизация

повседневности. В логике теории заговора любое событие – от экономического кризиса до локальной аварии – перестает быть случайным: оно воспринимается как результат целенаправленного вмешательства враждебных сил. Таким образом, даже банальные сбои в городской инфраструктуре или изменения в школьной программе начинают интерпретироваться как акты скрытого управления или агрессии. Это эпистемологическое смещение создает эффект непрерывной угрозы и трансформирует восприятие реальности в парадигме конфликта.

Такой тип интерпретации опирается на ключевой шмиттианский тезис о том, что сущностью политического является различие между другом и врагом. В конспирологической оптике этот принцип выходит за рамки формальной политики и распространяется на повседневное восприятие: субъект постоянно должен идентифицировать, «на чьей стороне» находится то или иное высказывание, явление или структура. В этой логике сосед может быть «агентом системы», а врач – частью глобального заговора. Подозрение становится основным способом когнитивной ориентации.

Особое место в этой политизации занимает риторическая стратегия демонизации: всеобъемлющее зло персонифицируется и наделяется тотальной волей. Политическая риторика, использующая конспирологические мотивы, активно эксплуатирует образы «теневых элит», «глобалистов», «технократов», «предателей» или «врагов народа». Эти фигуры превращаются в универсальные объяснительные категории, объединяющие разрозненные события в нарратив моральной битвы. Как отмечает Джейсон Стэнли, демонизация врага – один из центральных механизмов авторитарной пропаганды, делающий сложное – простым, а политическое – моральным [11].

При этом конспирология не только служит оправданием политической мобилизации, но и создает эффект эпистемологического превосходства. В рамках такого дискурса знание принадлежит «прозревшим», тем, кто «разоблачил» официальные версии. Это формирует отдельную политическую субъектность – субъект знания, который ставит себя в оппозицию к экспертным системам, научным институтам и демократическим процедурам. В условиях эрозии доверия к институтам, этот тип субъекта особенно легко активизируется и радикализуется. Как показывают исследования в области политической психологии, вера в теории заговора положительно коррелирует с ощущением утраты контроля и предпочтением авторитарных форм власти [9. Р. 25–43].

Таким образом, конспирология выступает не просто как эпистемологическая модель, но и как политическая технология. Она расширяет поле политического, выводя его за пределы институций и нормативных процедур в сферу аффективных и моральных реакций. Повседневность превращается в арену противостояния, где каждая новость, каждый жест или интонация могут быть прочитаны как знак принадлежности – к «нам» или «им». Политическое в этой парадигме становится не вопросом участия, а вопросом разоблачения. И в этом заключается главная опасность: вместо политической субъектности, ориентированной

на участие и дебаты, возникает субъект подозрения – разоблачающий, но не готовый к коллективному действию.

Заключение. Конспирология представляет собой уникальную и универсальную объяснительную модель, адаптированную к когнитивным и эмоциональным потребностям современного человека. Ее сила – в простоте, доступности и универсальности: она предлагает понятные интерпретации сложных и травматичных явлений, восстанавливая нарушенную когнитивную целостность. В условиях информационного перенасыщения и социальной тревожности, она становится инструментом быстрой ориентации в неопределенности.

Одним из объяснений ее успеха можно найти в концепции «хорошо информированного гражданина» Альфреда Шюца, согласно которой современный индивид сталкивается с фрагментированным, разрозненным знанием, лишенным целостности и иерархии. Конспирология эффективно заполняет эти лакуны, предлагая интеграцию разрозненных событий в единый, интуитивно понятный и причинно выстроенный нарратив, не требующий профессиональных или институциональных посредников.

Однако конспирология – не только эпистемологическая альтернатива, но и форма политической субъектности. Она глубоко политизирует повседневность, распространяя логику друга и врага на обыденные явления. Все, что происходит в мире, может быть истолковано как проявление злонамеренного вмешательства, что превращает повседневную жизнь в арену борьбы. Такой взгляд расширяет сферу политического за пределы институциональных рамок, превращая подозрение в основную форму политического участия.

В этом смысле конспирология становится не просто способом объяснять мир, но и способом действовать в нем, причем, в особом режиме разоблачения, а не коллективного действия. Она формирует особого политического субъекта, субъекта подозрения и разоблачения, чья политическая активность зачастую выходит за пределы институционализированных процедур и усиливает процессы поляризации и делегитимации.

Поэтому универсальность и адаптивность конспирологического мышления не только затрудняют его преодоление, но и создают вызовы для функционирования политической публичной сферы. Сегодня сложно представить эпистемологическую и политическую модель, способную в равной степени мобилизовать, интерпретировать и объяснять, не скатываясь в упрощение. Конспирология не только описывает мир, но и делает его действием, тем самым утверждаясь как новая форма повседневного здравого смысла.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Болтански Л.** Тайны и заговоры: по следам расследований / пер. с фр. А. Григорьева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
2. **Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат / В кн.: Философские работы / Пер. с нем. и англ., вступ. ст. и примеч. А.А. Ясперса. М.: Гнозис, 1994.
3. **Луман Н.** Реальность массмедиа / пер. с нем. под ред. А.Ю. Андерсена. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2005.
4. **Филиппов А.** Триггеры абсолютных событий: Очерки политической метафизики. М.: Издательство Института Гайдара, 2021.
5. **Фуко М.** Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / сост. и пер. С.В. Табачникова. М.: Касталь, 1996.
6. **Шюц А.** Хорошо информированный гражданин: Очерки по феноменологической социологии / пер. с нем. и англ., вступ. ст. и общ. ред. П.С. Гуревича. М.: Канон+, 2004.
7. **Яблоков И.** Русская культура заговора: Теории заговора в России и их роль в политике. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
8. **Herold M., Märtsin M., Kende A.** The impact of conspiracy belief on democratic culture: Evidence from Europe // *Political Psychology*. 2022. Vol. 43, no. 1.
9. **Imhoff R., Bruder M.** Speaking (un-)truth to power: Conspiracy mentality as a generalised political attitude // *European Journal of Personality*. 2014. Vol. 28, no. 1.
10. **Napolitano M.G., Reuter K.** What is a Conspiracy Theory? // *Erkenntnis*. 2023. Vol. 88, no. 1.
11. **Stanley J.** How Fascism Works: The Politics of Us and Them. New York: Random House, 2018.
12. **Uscinski J.E., Parent J.M.** American Conspiracy Theories. Oxford: Oxford University Press, 2014.

I.S. STAHEEV

Visiting Lecturer at the Faculty of Media,
National Research University Higher School
of Economics, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0529-4215

CONSPIRACY THEORY AS A NEW FORM OF EVERYDAY COMMON SENSE: COGNITIVE MODEL AND POLITICAL PRACTICE

This article examines conspiracy theory as an epistemological model that performs the function of a universal explanatory framework amid the crisis of traditional regimes of interpretation – namely, science and religion. Drawing on the concepts of everyday rationality (A. Schutz), the cognitive mapping of perception (L. Boltanski), and mechanisms of discursive legitimation (E. Laclau), the author demonstrates how conspiracy thinking compensates for the fragmentation and lack of integration characteristic of contemporary knowledge systems. Particular attention is paid to the political functions of conspiracy theories: they serve not only as tools of mass mobilization and populist rhetoric but also as mechanisms for constructing the image of the enemy and for simplifying complex political processes. Unlike scientific and religious discourses, which typically assign the subject a passive role, conspiracy theory activates its audience, transforming them into subjects of exposure and resistance. The article interprets the rise of conspiracy theories as a symptom of the transformation of political rationality in late modernity, wherein the search for simple causes and agent-based interpretations acquires the status of common sense.

Key words: conspiracy theory, common sense, cognitive models, epistemology, populism, political rhetoric, everyday life.